

УДК 821.161.2

Е.И. Петухова

**БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ Г.Л. ОЛДИ
И А. ВАЛЕНТИНОВА «КРЕПОСТЬ ДУШИ МОЕЙ»**

Для творчества харьковских писателей-фантастов Дмитрия Громова и Олега Ладыженского, которые пишут под псевдонимом Генри Лайон Олди, равно как и для их ситуативного соавтора Андрея Валентинова (Шмалько), показательным обращением к произведениям мировой литературы, из которых они либо заимствуют, подвергая глубинной обработке, сюжеты целых произведений, либо используют ряд мотивов для архитектоники своих книг. Так, например, говоря о книге Олди «Песни Петера Сьядека» (2004), И.В. Черный отмечает, что она «богата реминисценциями, аллюзиями. При ее чтении то и дело возникают литературные ассоциации – излюбленный прием соавторов. Так, сцена в заброшенном античном храме (новелла «Бледность не порок, маэстро!») до боли напоминает аналогичную сцену из «Юлиана Отступника» Мережковского и одновременно начало его же романа «Воскресшие боги» («Леонардо да Винчи»), тем самым позволяя выстраивать аналогии и параллели: античность – Возрождение – русский Серебряный век. Поэзия упадка и распада. Обожествление Исхода и Бегства. И рядом «Театр Клары Газуль» Мериме, и «Песни западных славян» Пушкина, и сказки «Тысячи и одной ночи», и «Граф Монте-Кристо» Дюма, и гоголевские «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Вий»... Впрочем, каждый читатель найдет в этом удивительном сборнике что-то свое» [9, с. 539-540]. Другой исследователь, Е.В. Харитонов, указывает: «Олди постоянно обращаются к мифологическим запасникам человечества, переосмысливая накопленное, трансформируя в качественно новый образ. <...> Скрытое и явное цитирование, ассоциации и реминисценции всегда в активе у Г.Л. Олди. Это неизменный атрибут языкового поля их произведений» [8, с. 431-432].

Книги Ветхого и Нового Заветов, входящие в Библию, неоднократно становились источником вдохновения для многих и многих поколений деятелей литературы и искусства. Из них черпались сюжеты, образы, мотивы и, конечно же, в первую очередь, глубокие философско-мировоззренческие идеи. Не остались в стороне от общей тенденции и представители Харьковской школы фантастики. Библейские мотивы звучат в книгах Л. Астаховой, А. Зорича, В. Свержина, А. Чернецова, А. Шакилова. Естественно, не могли пройти мимо этого явления и признанные «патриархи» ХШФ Г.Л. Олди и А. Валентинов. Библия послужила основой для романа Олди «Пасынки восьмой заповеди», романа А. Валентинова «Небеса ликуют», двух романов, написанных Олди и Валентиновым в соавторстве с киевским творческим дуэтом Марины и Сергея Дяченко «Рубеж» и «Пентакль». Однако наиболее глубоко чувствуется связь с библейскими текстами в романе Олди и Валентинова «Крепость души моей» (2013).

Творчеству Г.Л. Олди и А. Валентинова посвящено значительное количество литературно-критических статей, их имена упоминаются в энциклопедических справочниках и учебных пособиях по истории литературы и культуры, а сочинения анализируются в ряде диссертационных работ. Среди исследователей-фантастоведов, в первую очередь, следует назвать имена В.И. Бычинского, В.А. Владимирского, Д.М. Володихина, М.С. Галиной, А.Д. Лурье, А.Н. Окары, А.М. Ройфе, Е.В. Харитонова, И.В. Черного и др. Есть небольшой объем литературы, написанной и о романе «Крепость души моей». Преимущественно это журнальные и сетевые рецензии. В них упоминается о связи книги харьковских писателей с библейскими текстами, однако авторы ограничиваются лишь констатацией факта, не углубляясь в причины подобного интертекста [2; 4; 6]. В данной статье мы попытаемся восполнить имеющуюся лауну, акцентируя внимание на системе мотивов в книге Г.Л. Олди и А. Валентинова, восходящих к Библии.

Как известно, под мотивной структурой подразумевается концептуально значимая конструктивная связь повторяемых и варьируемых элементов текста, сообщающая ему неповторимую поэтику. Весомый вклад в разработку теории мотива и мотивного анализа сделали

А.Н. Веселовский, В.Я. Пропп, А.Л. Бем, А.И. Белецкий, Б.Н. Путилов, Е.М. Мелетинский, М.М. Бахтин, Б.В. Томашевский, Б.М. Гаспаров, И.В. Силантьев и др. Так, Б.М. Гаспаров, анализируя роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита», делает глубокое замечание общего характера: «Обнаруживающиеся в структуре романа мотивные связи и возникающие на их основе смысловые ассоциации могут быть далеко не равноценными. Одни связи являются достаточно очевидными, многократно подтверждаемыми в различных точках повествования: другие оказываются более слабыми и проблематичными, поскольку они проявляются лишь в изолированных точках (не получают многократного подтверждения) либо вообще имеют вторичный характер, возникая как производные не непосредственно от самого текста романа, а от вторичных ассоциаций, пробуждаемых этим текстом. В итоге в нашем восприятии романа возникает некоторая центральная смысловая область и наряду с эти окружающие ее периферийные области. Последние заполняются открытым множеством все менее очевидных, все более проблематичных ассоциаций, связей параллелей, уходящих в бесконечность. Но если каждая из этих периферийных ассоциаций в отдельности может быть поставлена под сомнение с точки зрения ее выведения из текста романа, то все они в совокупности образуют незамкнутое поле, придающие смыслу романа черты открытости и бесконечности, что составляет неотъемлемую особенность мифологической структуры... При этом всегда существует возможность, что возникшая в нашем сознании, но как будто недостаточно подверженная в тексте ассоциация выглядит таковой лишь постольку, поскольку мы не заметили ее подтверждения в другой точке романа...» [3, с. 31].

Практически все исследователи романа «Крепость души моей» отмечают переключки текста Олди и Валентинова с Библией. «Соавторы, указывает А. Королева, больше не блуждают в мифологических, исторических или альтернативно-исторических лабиринтах, они возвращаются в нашу повседневность и лишь чуть приоткрывают дверку для чуда. Чудо в данном случае родом из Ветхого Завета, и это важно. Будь то история Исава и Иакова, сверхъестественные

свойства Ковчега Завета или угроза уничтожения нового Содома – все эти чудеса жестоки, пусть даже с формальной точки зрения справедливы. Бог Израилев и всё воинство Его беспощадны, глухи к мольбам и скоры на расправу. Небесная канцелярия подчиняется сложно организованной системе правил, в которых уже давно нет логики. Более того, помочь человеку ангел может только в обход этих правил, как в финале «Девяти дней», или по принципу случайного выбора, как в «Заре над Содомом». Мир божественного в «Крепости души моей», что называется, «светлый, но не добрый», а другого нет. Мессия в нём ещё не родился» [6, с. 29]. И вообще, весь роман критик называет «эффектной игрой в осовременивание ветхозаветных реалий, к счастью, не превратившаяся в «игру ради игры»» [6, с. 29]. В.А. Владимирский, кроме ветхозаветных, находит в книге Олди и Валентинова и новозаветные мотивы, в частности, апокалипсические [2].

На связь своего произведения с Ветхим Заветом указывают уже сами фантасты в авторской аннотации к роману: «Был человек в земле Уц, имя его Иов...» – гласит Ветхий Завет. Здесь земля Уц, на соседней улице. Вот человек Иов – Артур Чисоев без видимой причины лишен семьи, имущества, здоровья. Он же Иаков, готовый бороться всю ночь с тем, чье имя запрещено. «Сделайте ковчег из дерева ситтим: длина ему два локтя с половиною...» – гласит Ветхий Завет. Сказано-сделано: в старом гараже, мастерской пьяницы-художника. И падут тучи саранчи, хлынет огненный дождь, а трехглазый исполин выйдет на прогулку в городском парке. «И пришли те два Ангела в Содом вечером...» – гласит Ветхий Завет. Воистину пришли – утром, на заседание горсовета, с огнем и мечом. Пришли и огласили приговор. Не верите, слуги народа? Рухнул дом, одна пыль столбом. Поверили, устрашились. Скоро взойдет последняя заря над обреченным Содомом. Где путь к спасению? Новую книгу Г.Л. Олди и А. Валентинова «Крепость души моей» составили три повести – три истории, где сталкиваются две реальности: нынешняя и ветхозаветная. Мистика? Нет, конфликт двух систем ценностей, двух взглядов на человеческую жизнь» [7, с. 4]. Таким образом, точно указывается

на источники, послужившие основой для трех повестей, составляющих роман: избранные главы из книги Бытие и книга Иова. Первая повесть, «Право первородства», написана совместно Олди и Валентиновым, вторую, «Девять дней», писал один Валентинов и третью, «Заря над Содомом», писали Олди.

Повесть «Право первородства», в основном базируется на мотивах глав 25-32 первой книги Моисеевой «Бытие» и «Книге Иова». Библейские истории значительно переосмыслены харьковскими фантастами. «У Артура Чисоева из первой части («Право первородства»), справедливо пишет В.А. Владимирский, в прошлом прославленного борца, а ныне депутата и бизнесмена, владельца заводогазет-пароходов, свой персональный Армагеддон. За несколько дней он потерял все, что имел: жену, дочку, внука, прибыльный бизнес... Но высшие силы не оставили его в покое: тут же предложили новую жену, новую дочку, новое дело. Чем же Чисоев заслужил такую честь? Что это – испытание веры? Но у Артура, по большому счету, нет Бога, он не ветхозаветный Иов, готовый претерпеть любые надругательства во имя Яхве. Наказание? Но из Чисоева-младшего и грешник так себе, средней руки. Не Каин, даже не проныра-Иаков, купивший у старшего брата право первородства за чечевичную похлебку. Человек не хуже и не лучше многих других. Так почему же именно на него обрушилась вся мощь небесной артиллерии?...» [2]. Примерно то же отмечает и один из сетевых критиков с сайта Fantlab.ru, указывая, что эта повесть «о гордыне и прощении, о братской любви и почти отеческой любви учителя к своим ученикам. Хотел герой превзойти брата – получил желаемое. Возомнил себя Иовом? А вот тут ошибочка вышла... Только пока это выяснилось, герой наш уже решил примерить на себя роль другого библейского персонажа – Иакова. И побороться с богом. Всеми доступными ему методами. И эта роль брато-предателя больше к лицу. Впрочем, брат его уже простил, брат не может иначе» [4].

Представляется, однако, что мотивные ассоциации в повести интерпретированы критиками не до конца. Здесь, на наш взгляд, скрываются и более глубокие аллюзии. Фактически «примерять»

на Артура Чисоева роли многострадального Иова или хитроумного патриарха Иакова не совсем правильно, поскольку герой по вероисповеданию и менталитету не христианин, а мусульманин, причем снова-таки не ортодоксальный. В нём свободно уживается показная религиозная обрядность со стихийным, глубинным язычеством представителя одной из горских народностей Кавказа. Известно, что и в Коране зафиксированы истории Айуба (Иова) и Якуба (Иакова), однако они трактуются несколько иначе, чем в Ветхом Завете, о чем говорят сами авторы устами более искушенного в вопросах религии Шамиля Чисоева: «Пророк Якуб, мир ему, не боролся с Ним (аллахом. – Е.П.)» [7, с. 118].

Фантасты заостряют внимание не на смирении Артура-Иова, на которого обрушились беды, чтобы испытать его верность Господу, или мудрости и изворотливости Артура-Иакова, а на мотивах первородства и богоборчества, протеста человека против жестокой и непоколебимой воли Творца, что значительно ближе исламу, а не иудео-христианской традиции. Чисоев-младший объявляет джихад не кому-либо из мелких или крупных своих врагов, а самому Создателю, готовый принести жертву языческому аварскому богу Бечеду. Здесь налицо полемика с Ветхим Заветом. В тексте повести упоминаются три библейские истории о том, как родители, желая доказать верность Богу, приносят в жертву собственных детей: жертвоприношение Авраама [Быт. 22, 1-15], Сепфоры [Исх. 4, 23-26] и Иеффая [Суд. 11, 31-40]. Артур Чисоев тоже хочет совершить человеческое жертвоприношение, но не для закрепления завета с Богом, а, наоборот, для разрыва любых связей с ним в надежде, что служение иному богу отвратит от него и его семьи гнев Всевышнего. Герой здесь отчасти напоминает царя Соломона, который на закате жизни также вернулся к языческому многобожию, за что и было уничтожено его царство. Не случайно под конец повести все громче начинают звучать мотивы мрачных пророчеств Исаяи и Иеремии, предупреждающих о грехе идолопоклонничества и падении града, исполненного грехов. Этот мотив как бы предваряет две следующие повести, рассказывающие о падении Содома.

Помимо указанных, в тексте «Права первородства» можно найти и другие, менее явные мотивы из Ветхого Завета. Так, герой повести, кроме ассоциаций с Иовом и Иаковом, обладает и чертами еще одного патриарха, Лота [Быт. 18, 24-38]. Так же, как и у Лота, у Артура две дочери, и точно так же он теряет жену. Превращение жены Лота в соляной столб [Быт. 18, 26] вполне сопоставимо с тем, что супруга Чисоева-младшего, попавшая в аварию, впадает в кому. В образе учителя братьев Чисоевых, Александра Петровича, усматривается сходство с пророком Ионой. Точно так же, как с ветхозаветным героем, с учителем говорит Господь, призывая его к миссии, точно так же географ поначалу отказывается выполнять волю Божью, но, в конце концов, таки повинуется Создателю и идет к сильным мира сего обличать их и призывать к смирению перед Творцом. Образ этот явно навеян романом Булгакова «Мастер и Маргарита», переключки с которым встречаются в некоторых произведениях Олди и Валентинова. В Александре Петровиче есть черты и Мастера, и Иешуа. Главное в нём жертвенность, способность отдать душу за друзей (в данном случае, учеников).

Несколько раз в повести появляется сам Бог. Неявно, через своих посланников. В одном случае в качестве таковых выступают сами Олди: «Огромная ладонь легла на серебристый «BMW Тусооп». Другая ладонь опустила на самосвал, прихватив края бортов. Вниз посыпались струйки песка, становясь лавиной. Пальцы третьей руки взяли синий «Ниссан» за капот и подняли вверх. Нашлась рука и для маршрутки. Вика так ясно видела эту партию, когда машины переставлялись, будто фигуры, бились друг о друга, а затем сбрасывались с доски, эти руки с запястьями, поросшими жестким волосом, рыжим и черным, словно она была высоко-высоко, там, где все равно, и даже не слишком интересно» [7, с. 12]. Виден шуточный намек на темноволосого Олега Ладыженского и рыжего Дмитрия Громова, часто повторяющийся в книгах дуэта. Писатели становятся равновеликими Творцу. Они демиурги, в руках которых находятся нити судеб их персонажей. В остальных случаях в повести действует не проясненный до конца персонаж, чаще всего выступающий в обли-

чьє «медбрата» с мелірованими волосами. І снова делается акцент на светлых и темных прядях, так что и санитара тоже отчасти можно считать аватарой авторов-демиургов. Или ангелом небесным, посланным наблюдать за братьями Чисоевыми и решать их судьбу. В принципе, ислам, признавая важность роли ангелов в общении между небом и людьми [5, 82: 10-11], не поддерживает христианскую идею наличия у человека ангела-хранителя, считая её противоречащей доктрине единого верховного существа, не имеющего товарищей и детей [5, 30: 40].

Вторая повесть, входящая в книгу, «Девять дней», заметно отличается от первой части романа. Написанная исключительно Андреем Валентиновым, она более близка к его творческим интересам, связанным, в первую очередь, с историческим направлением в фантастике, точнее, с той его разновидностью, которая получила название «криптоистория» (тайная, скрытая история). Мифологизм здесь отходит на второй план, уступая место проблеме параллельных миров, контакта разных исторических эпох. «Сергей, пишет об этой части романа В.А. Владимирский, вполне трезво оценивает место, которое занимает в этом мире и свои перспективы. «Мне двадцать четыре года, институт закончил, диплом защитил. Что впереди? – ничего. И вокруг тоже ничего. Что я могу? Денег заработать? Да, могу, если постараюсь. Дальше-то что?..» Жизнь современного человека пуста, как скорлупа грецкого ореха, выеденного червем – это-то и есть наш главный грех, заслуживающий самой суровой кары. Только миражи, поднимающиеся над городом, могут подарить Сергею и тысячам таких, как он, хоть какую-то иллюзию смысла. Только чудо, пусть жестокое, смертоносное, дает ощущение, что жизнь прожита не зря. И тогда можно, отбросив житейский прагматизм и на время отключив здравый смысл, выходить на баррикады или стоять строем перед бушующей толпой. Так уж устроены мы, люди...» [2]. Один из сетевых критиков верно уловил суть сделанного Валентиновым, говоря о том, что его повесть больше рассматривает отношения на небесах: «Вторая повесть попала точно в цель, поразив удачным взглядом на два мира, земной и небесный. Горнее Царствие, поделенное на три

Сферы и девять Ступеней, каждая из которых представлена своей силой. Ангелы и Начала, Престолы и Серафимы, верные слуги Всевышнего, неумолимо карающие грешников и строго блюдущие Закон. Ибо Закон в этом Царстве превыше Милости. По крайней мере, на первый взгляд кажется именно так. Эта история сплетена из нескольких нитей – небесного расследования Владыки Камаила и его помощника Микки, загадочных явлений в Городе, а главное, исканий Сергея, в чью жизнь ворвались неведомые прежде чувства и мысли. Помимо них действуют и другие герои: обычные люди, начальники и подчиненные, нищие художники и знаменитый режиссер» [4].

Авторская аннотация к роману отсылает читателя этой части книги к 25-27 главам «Книги Исход». Однако если присмотреться внимательно, то становится понятным, что внешне ветхозаветная история о поисках пропавшего еще в древности и непонятным образом оказавшегося в Харькове Ковчега Завета разрабатывает не столько библейские мотивы, сколько сюжетно соотносится с одной из частей кинотетралогии о приключениях черного археолога Индианы Джонса («Индиана Джонс: В поисках утраченного ковчега» (1981)). Сам автор несколько раз упоминает об этом киногерое, как бы расставляя ориентиры. Так, библейскую цитату из 25 главы «Книги Исход», описывающую внешний вид ковчега, автор заканчивает ироничной репликой ангела: «Описание точное, но важны детали. В них-то вся хитрость. А эту картинку мы придумали специально для Индианы Джонса» [7, с. 197]. Эта ситуация вполне соответствует поэтике криптоисторических произведений Валентинова, где зачастую за человечеством наблюдает и управляет им некая могущественная внеземная раса.

Использование ветхозаветных мотивов и аллюзий в «Девяти днях» наблюдается, прежде всего, тогда, когда автору нужно создать характеристику персонажа или той или иной ситуации. Так, описывая некоего Большого Начальника, озабоченного положением, сложившимся в руководимом им городе, Валентинов цитирует 21-й псалом Давида: ««Окружили мя тельцы мнози тучны...» ...Обступили, окружили город. Ударили копытами в пыльный, растрескавшийся асфальт. Идут за ним, за ним, за ним! Глаза пылают красным огнем,

ноздри пышут черным дымом. Со всех сторон, по всем улицам, по площадям и скверам... За ним!.. Сокрушат стены, ворвутся, загопчут, пронзят рогами. «Раскрыли на меня пасть свою, как лев, алчущий добычи и рыкающий...» [7, с. 212]. Ситуация, описываемая Валентиновым, явно перекликается с текстом «Мастера и Маргариты», в частности, со сценой посещения свитой Воланда Степы Лиходеева. И в целом стилистика «Девяти дней» весьма схожа с булгаковской, а скрытые и явные цитаты из «Мастера и Маргариты» рассыпаны по всей повести. С образом Большого Начальника связано и упоминание эпизода из «Книги пророка Даниила», когда во время пира царя Валтасара некая рука вывела на стене таинственные слова: «Мене, мене, текел, фарес!» [Дан. 5, 5-31]. Это мрачное пророчество также предвещает гибель города, в котором протекает действие повести. Наконец, в третьем эпизоде с Большим Начальником цитируется «Книга Бытие»: «В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим» [Быт. 5, 24-38]. Цитата применена для характеристики ангелов, явившихся к градоначальнику требовать ответа. И тут же сами пришельцы цитируют тот же ветхозаветный текст, напоминая человеку о судьбе Содомы и Гоморры.

Еще одним персонажем повести, с которым связаны библейские мотивы, является девушка легкого поведения Далида/Далия, втершаяся в доверие к главному герою и выведавшая у него секрет, интересовавший ангелов. В этом образе соединились одновременно образы двух ветхозаветных блудниц: Далилы, упоминающейся в «Книге Судей» в связи с историей судьи Самсона, а также блудницы Раав из «Книги Иисуса Навина», укрывшей иудейских разведчиков от расправы. Валентиновская Далида, действительно, предает Сергея, однако она же и вступает за него перед лицом безжалостных карателей-серафимов. Появление в финале «Девяти дней» двух гигантских ангелов предваряет коллизию, складывающуюся в заключительной части романа, повести «Заря над Содомом».

Характеризуя эту повесть, А. Королёва справедливо отмечает: «В этом мире выдерживает экзамен на человечность – на простую

человечность, не на «праведничество», которого требуют ангелы в «Заре над Содомом», только тот, кто осмеливается бунтовать, не соглашаться с правилами, выступать против божественных сил. И это вовсе не бунт Люцифера – напротив, ветхозаветный Всевышний часто ожидает этого неповиновения, как в случае с Иаковым, который боролся с Богом и победил его. Именно благодаря бунтарскому жесту одного человека история Города, описанная в финальной повести, отличается от печальной судьбы Содомы и Гоморры» [6, с. 29]. «Найти праведника, – пишет об основной проблеме коллизии повести один из сетевых критиков. – Хоть одного. Во всем городе. Ради спасения этого города. Что может быть проще? Что может быть тяжелее? Кто-то предлагает миллион хоть за одну завалившую праведную душу, кто-то впадает в эйфорию вседозволенности, кто-то продолжает жить, как жил (бутылочки собирать, ага). А некто идет с монтировкой в руках спасать попавшего в аварию. Другие становятся всем домом на защиту соседа. Третий вывозит семью из обреченного города, а сам остается. С обреченными. К слову, об уехавших. Как жить-то с «обнуленной до равнодушия душой»? Кажется мне, что их «обнуленность» будет касаться не только оставленных в городе. В таком случае, тем более, лучше уж остаться и погибнуть...» [4].

В «Заре над Содомом» наименьшее количество явных реминисценций из Библии. Интертекст повести в целом очень широк. Здесь и цитаты из Кинга, Маккаммона, многочисленных произведений постапокалиптики, стихотворений Чуковского и трудов Ефрема Сирина и т.п. Библия цитируется всего один раз: «Прижавшись ухом к дверям, регент слушал бойню. Шум не стихал. Ромашук не знал, кто с кем дерется, и боялся это узнать. «Заступник мой еси и Прибежище мое, – шептал он побелевшими губами, – Бог мой, и уповаю на Него. Яко Той избавит тя от сети ловчи...» Надо позвонить маме, думал он. Сказать, что я жив. Мама сойдет с ума, если я не позвоню. У нее большое сердце. «...И от словесе мятежна, плещмя Своима осенит тя, и под криле его надеешься...» [6, с. 327]. Цитируемый здесь 17 псалом царя Давида – один из древнейших. Царь является в нем представителем и олицетворением народа, ищущего у Бога спасения. В нем же

предсказывается приход истинного Помазанника Божия, который станет владыкой народов, которые придут поклониться ему, и спасителем. Его воцарение будет победой над всеми враждебными силами [Пс. 17, 2-51]. Текст молитвы древнего царя как бы перебрасывает мостик между прошлым и настоящим, между Ветхим и Новым Заветами, давая некую надежду обреченному Городу и его жителям.

Как и в истории Артура Чисоева, в судьбе героя «Зари над Содомом» видны явные параллели с ветхозаветным праведником Лотом, которому удалось вместе с семьей бежать из проклятого Богом Содомы. Заострен мотив беспамятства, в данном случае связанный с запретом оборачиваться назад во время бегства. Ангел-мститель предупреждает героя: «как пересечете черту – спасайтесь... Спасайте души свои; не оглядывайтесь назад и нигде не останавливайтесь в окрестности» [6, с. 309]. Именно серафим и произносит страшные для любого верующего слова «обнуление души». Герой не смог переступить себя, выбрав долю погибнуть вместе с градом обреченным, чем фактически и спас его. Но он ли был тем самым праведником, без которого не стоит ни деревня, ни город, ни целое государство? Олди не дают прямого ответа, предпочитая открытый финал. Читатель сам должен решить, кто прав, кто виноват и что делать дальше.

Таким образом, книга Г.Л. Олди и А. Валентинова «Крепость души моей», по жанру относящаяся к эсхатологической фантастике, имеет ярко выраженную связь с Библией. Это проявляется, прежде всего, в обилии цитат, в использовании ряда сквозных мотивов, почерпнутых из Ветхого Завета. Писатели дали современную трактовку мифа о Содоме и Гоморре, примерив его на мегаполис XXI века, в котором без труда узнается родной город фантастов. Мрачные картины кануна конца света дают возможность философски осмыслить роль и место человека в природе. Вообще же использование библейского интертекста характерно для творчества многих представителей Харьковской школы фантастики (Л. Астаховой, А. Зорича, В. Свержина, А. Чернецова и др.). Думается, в дальнейшем будет перспективным рассмотреть эту проблему применительно к творчеству остальных харьковских писателей-фантастов.

Литература

1. Библия. Книги Ветхого и Нового Завета (любое издание).
2. Владимирский В. Город грехов / [Электронный ресурс]. – Режим доступа к рецензии: <http://krupaspb.ru/piterbook/recenzii/index.html?nn=1631&ord=5&sb=&np=1>
3. Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы 20 века / Б.М. Гаспаров. – М.: Наука. – 304 с.
4. Генри Лайон Олди, Андрей Валентинов «Крепость души моей» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fantlab.ru/work450101>
5. Коран: Перевод смыслов Э. Кулиева. – Симферополь, 2013. – 512 с.
6. Королева А. Генри Лайон Олди «Крепость души моей» / А. Королева // Мир Фантастики. – 2013. – № 8. – С.29.
7. Олди Г.Л., Валентинов А. Крепость души моей / Генри Лайон Олди, Андрей Валентинов. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – 384 с.
8. Харитонов Е. Миры Генри Лайона Олди / Е. Харитонов // Олди Г.Л. Пасынки восьмой заповеди. – М.: Эксмо-Пресс, 1996. – С.425-438.
9. Черный И.В. Ожидание на перекрестке (Очерк творчества Генри Лайона Олди) / И.В. Черный // Олди Г.Л. Песни Петера Сьядека. – М.: ЭКСМО, 2004. – С.488-542.

Анотація

О.І. Петухова. Біблійні мотиви у романі Г.Л. Олді та А. Валентинова «Твердиня душі моєї».

Статтю присвячено творчості сучасних харківських письменників-фантастів Андрія Валентинова та Дмитра Громова й Олега Ладиженського, які працюють під псевдонімом Г.Л. Олді. Метою було дослідження створеного ними у співавторстві роману «Твердиня душі моєї» на предмет пошуків у ньому біблійних мотивів. Твір належить до жанру есхатологічної фантастики й має досить складну структуру, насичену різноманітними мотивами, інтертекстуальними зв'язками. Розглянуто специфіку мотивної структури книги, що базується на текстах Старого Завіту. Письменники подали сучасну інтерпретацію міфу про Содом та Гоморру, примірявши його до мегаполісу XXI століття, у якому не важко упізнати рідне місто фантастів. Похмурі картини передодня кінця світу дають авторам роману можливість філософськи осмислити роль та місце людини у природі. Серед прийомів, що використовують у своїй книзі письменники, апелюючи до текстів Старого Завіту, головними є опозиція (віра-безвір'я, мусульманство-християнство-їудаїзм тощо), алюзії.

Ключові слова: інтертекст, мотивна структура, рецепція, алюзії, критика.

Аннотація

Е.И. Петухова. Библийские мотивы в романе Г.Л. Олди и А. Валентинова «Крепость души моей».

Статья посвящена творчеству современных харьковских писателей-фантастов Андрея Валентинова и Дмитрия Громова и Олега Ладыженского, работающих под псевдонимом Г.Л. Олди. Целью было изучение написанного ими в соавторстве романа «Крепость души моей» на предмет выявления в нем библейских мотивов. Произведение относится к жанру эсхатологической фантастики и имеет достаточно сложную структуру, насыщенную разнообразными мотивами, интертекстуальными связями. Рассмотрена специфика мотивной структуры книги, основанной на текстах Ветхого Завета. Писатели дали современную трактовку мифа о Содоме и Гоморре, примерив его на мегаполис XXI века, в котором без труда узнается родной город фантастов. Мрачные картины кануна конца света дают авторам романа возможность философски осмыслить роль и место человека в природе. Среди приемов, которые используют писатели, апеллируя к текстам Ветхого Завета, основными становятся оппозиция (вера-безверие, мусульманство-христианство-иудаизм и тому подобное), аллюзии.

Ключевые слова: интертекст, мотивная структура, рецепция, аллюзии, критика.

Summary

E.I. Petuhova. The Bible Motives in the Novel “The Castle of my Soul” by G.L. Oldi and A. Valentynov.

The article is devoted to the activity of modern Kharkiv fiction writers Andrew Valentynov and Dmitry Gromov and Oleg Ladyzhensky who worked under the penname of G.L. Oldi. The aim is to study their co-written novel “The Castle of My Soul” and to point out Bible motives in it. The work belongs to the genre of eschatological fiction and has a rather complex structure, rich variety of motives, and intertextual connections. The specificity of the motive structure of the book, based on the texts of the Old Testament, is examined. The authors gave a modern interpretation of Sodom and Gomorrah myth, adjusting it to the XXI-st century metropolis, in which you can easily recognize a native city of the writers. The gloomy picture depicting the eve of doomsday give the authors of the novel an opportunity to understand philosophically the role that a man plays

in nature. Among the techniques that the writers use, appealing to the texts of the Old Testament, the main are a row of oppositions (belief-disbelief, Islam, Christianity, Judaism, and the like) and allusions.

Key words: intertexture, motive structure, reception, allusions, criticism.

Інформація про автора

Петухова Олена Іванівна: ORCID: 0000-0003-2368-3177; кандидат філологічних наук, доцент кафедри іноземних мов Харківського національного економічного університету імені Семена Кузнеця; пр. Леніна, 9а, м. Харків, 61166, Україна